

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ /
POLITICAL SOCIOLOGY

Оригинальная статья / Original article

doi: 10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462

УДК 323.21(470.6)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Социальное конструирование
общероссийской идентичности на Северном Кавказе:
состояние и перспективы

Г. Д. Гриценко

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
dissovet@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследуемой проблематики обусловлена необходимостью укрепления общероссийской идентичности в полиэтничном северокавказском сообществе в условиях резкого обострения геополитических противоречий. Цель исследования – на основе эмпирического материала определить специфику проявления макросоциальной идентичности в жизнедеятельности населения Северо-Кавказского федерального округа и выявить возможности для дальнейшего конструирования общероссийской идентичности в северокавказском регионе.

Материалы и методы. Источниками эмпирической базы стали региональные нормативно-правовые акты субъектов Федерации, образующих Северо-Кавказский федеральный округ, научные статьи, находящиеся в свободном доступе в РИНЦ, и мнение экспертов, полученное в ходе экспертного опроса. Использование методической триангуляции (контент-анализа, дискурс-анализа и полуструктурированного интервью экспертов) дало возможность высветить разные стороны процесса формирования макросоциальной идентичности, сделав исследовательскую картину более объемной и полной. Эвристическая ценность полученных с помощью данной триангуляции результатов проявилась в уточнении структуры макросоциальной идентичности северокавказского социума и фиксации приоритетности этнической и частично конфессиональной идентичностей.

Результаты исследования. Обосновано, что для изучения проблем конструирования общероссийской идентичности в субъектах Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, наиболее оптимальной является аналитическая модель идентичности, предложенная М. В. Назукиной и включающая три основных уровня реализации политики идентичности в региональном масштабе: нормативный, нарративно-мифологический и символический. Современный этап сформированности макросоциальной идентичности на Северном Кавказе характеризуется на всех трех уровнях определенной приоритетностью этнической идентичности, которая усиливается конфессиональной.

Обсуждение и заключение. По итогам научного анализа сделан вывод, что на Северном Кавказе сложился относительный баланс между общероссийским и этническим компонентами макросоциальной идентичности с частичным преобладанием этноконфессионального.

© Гриценко Г. Д., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Аналитический материал может представлять интерес для научных коллективов, изучающих проблемы гуманитарной безопасности Северного Кавказа; структур, заинтересованных в укреплении этнополитического единства в регионе на основе общероссийских ценностей. Основные итоги и выводы работы могут быть полезны для СМИ, различных культурно-образовательных учреждений при организации и проведении просветительской работы среди населения региона, в том числе молодежи.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социальное конструирование общероссийской идентичности, нормативный, нарративно-мифологический, символический уровни политики идентичности, конструирование этнической идентичности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (№ 122020100306-9).

Для цитирования: Гриценко Г. Д. Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 3. С. 446–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>

Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects

G. D. Gritsenko

*Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of The Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)
dissovet@rambler.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the issues under study, which is due to the need to strengthen the all-Russian identity in the multi-ethnic North Caucasian community in the context of a sharp aggravation of geopolitical contradictions. The purpose of the article is formulated – on the basis of empirical material, to determine the specifics of the manifestation of macrosocial identity in the life of the population of the North Caucasus Federal District and to identify opportunities for further construction of an all-Russian identity in the North Caucasus region.

Materials and Methods. The section identifies the sources of the empirical base of all subjects of the Russian Federation that form the North Caucasus Federal District, the main of which are regional regulatory legal acts, scientific articles in journals that are freely available in the RSCI, and expert opinion obtained during an expert survey. The use of methodical triangulation (content analysis, discourse analysis and semi-structured expert interviews) made it possible to highlight different aspects of the process of forming a macrosocial identity, making the research picture more voluminous and complete. The heuristic value of the results obtained through this triangulation was manifested in clarifying the structure of the macrosocial identity of the North Caucasian society and fixing the priority of ethnic and partially religious identities.

Results. It is substantiated that for studying the problems of constructing an all-Russian identity in the subjects of the Federation that are part of the North Caucasus Federal District, the most optimal is the analytical model of identity proposed by M.V. Nazukina and includes three main levels of identity policy implementation on a regional scale: normative, narrative-mythological and symbolic. The current stage of the formation of macrosocial identity in the North Caucasus is characterized at all three levels by a certain priority of ethnic identity, which is enhanced by confessional identity.

Discussion and Conclusion. Based on the results of scientific analysis, it was concluded that a relative balance has developed in the North Caucasus between the all-Russian and ethnic components of macrosocial identity with a partial predominance of ethno-confessional. Analytical material may be of interest to scientific teams studying the problems of humanitarian security in the North Caucasus; structures interested in strengthening ethnopolitical unity in the region on the basis of all-Russian values. The main results and conclusions of the work can be useful for the media, various cultural and educational institutions in organizing and conducting educational work among the population of the region, including youth.

Keywords: North Caucasus, social construction of all-Russian identity, normative, narrative-mythological, symbolic levels of identity politics, ethnic identity construction

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (no. 122020100306-9).

For citation: Gritsenko G.D. Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):446–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>

Введение. Проблематика идентичности является одной из наиболее востребованных в российском социально-гуманитарном знании. Этот приоритет сформировался под влиянием сложных, нередко конфликтных отношений между различными, особенно этническими, группами, что затрудняет процесс конструирования общероссийской идентичности. В частности, такая противоречивость характерна для Северного Кавказа, где общероссийская идентичность соединяет в одно образы «внеисторической» для Северного Кавказа общегражданской идентичности и «исторические» образы данного региона [1]. В сложившихся условиях, прежде всего геополитических, возникла потребность в ином взгляде на политику идентичности и ее реализацию в северокавказском регионе [2].

Цель исследования – уточнить компоненты идентификационной матрицы жителей Северного Кавказа, а также определить реальные и потенциальные ресурсы для целенаправленного формирования и укрепления общероссийской идентичности в регионе. Достижение поставленной цели проводилось в рамках исследовательского проекта «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе», осуществленного в 2020–2022 гг. Реализация данного проекта дала возможность, с одной стороны, сделать «слепок» современного уровня сформированности общероссийской идентичности, с другой – смоделировать объективно необходимые пути конструирования общероссийской идентичности, обеспечивающей сохранение и укрепление не только государственно-политического единства российского общества, но и социокультурного.

Обзор литературы. Проблемы формирования идентичности и вопросы реализации политики идентичности постепенно становятся частью категориального поля политического знания¹. Однако в рамках социально-политических наук сложилось многообразие трактовок идентичности, что нашло отражение прежде всего в зарубежных исследованиях² [3–7]. Вопросами политики идентичности занимаются также и российские политологи: одни из них акцентируют внимание на разработке категориального аппарата³ [8; 9], другие – на формировании и укреплении гражданского самосознания [10], третьи – на поисках

¹ Routledge Handbook of Identity Studies / ed. by A. Elliott. London & New York : Taylor & Francis Group, Routledge, 2011. 408 p.

² Kaltmeier O., Thies S., Raab J. The New Dynamics of Identity Politics in the Americas: Multiculturalism and Beyond. London : Taylor & Francis Group, 2015. 184 p.

³ Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика : сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности (Сер.: Политология) / ред. кол.: О. Ю. Малинова [и др.]. М. : ИНИОН, 2017. С. 7–20; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. 992 с.

эффективных путей нациестроительства [11], четвертые – на выявлении путей гармонизации общероссийской и этнической идентичностей [12] и т. д. Большое внимание изучению региональных идентификационных процессов, в том числе на Северном Кавказе, уделяется многими научными школами региона [13–17] и научно-исследовательскими учреждениями⁴.

Важное место в современной науке отводится вопросу о социальном конструировании коллективных (макросоциальных) идентичностей⁵ [18; 19].

Именно конструктивистский потенциал формирования и укрепления идентичностей занимает значимое место в исследовательской работе региональных политологов, социологов, этнологов, результаты которой востребованы как средствами массовой информации, так и органами власти, чья деятельность связана с управлением этнополитическими, социокультурными процессами. В статье сделан акцент на исследовании современного состояния идентификационного пространства Северного Кавказа и на определении вероятностных путей укрепления общероссийской идентичности, что становится наиболее актуальным в условиях резкого обострения геополитических противоречий.

Теоретико-методологический аспект. Известно, что понятие «идентичность» из области повседневного социально-психологического опыта личности постепенно трансформировалось в категорию политическую⁶. В научный оборот вошел и закрепился концепт «политика идентичности» (identity politics), что привело к теоретико-методологическому буму. Из всего многообразия толкований категории «политика идентичности» [20; 21] для целей нашего исследования наиболее оптимальной стала интерпретация, предложенная О. Ю. Малиновой: «политика идентичности как совокупность практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности»⁷. Более того, на современном этапе развития социально-гуманитарных знаний доминирует точка зрения о конструируемом характере идентичности через «продуцирование коллективных смыслов... посредством мифологии и истории, создание символической базы для мобилизации» идентичности [22, р. 153]. Основными субъектами целенаправленного воздействия на идентичность, как полагают исследователи, выступают государство и группы интересов [22]. Этой точки зрения поддерживаются и российские ученые, в частности О. Ю. Малинова: «identity policy – совокупности целенаправленных действий институциональных акторов, прежде всего – государства (но также, при определенных условиях, – религиозных институтов, политических партий и т. п.)»⁸.

⁴ Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / В. А. Авксентьев [и др.]. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 224 с.

⁵ The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak [et al.]. Edinburgh : University Press, 2009. 276 p.

⁶ Routledge Handbook of Identity Studies / ed. by A. Elliott. 2nd Edition. London ; New York : Taylor & Francis Group, Routledge, 2011. P. XXI. <https://doi.org/10.4324/9780203869710>

⁷ Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации. С. 10.

⁸ Там же.

Исходим из того, что суть такой деятельности сводится к формированию «общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему» (И. С. Семененко)⁹. Однако, как предостерегают политологи, в частности А. Якобсон, эти процессы происходят в конкретно-исторических этнокультурных и этнополитических средах, которые существенно ограничивают конструктивистский потенциал политических субъектов и влияют на конечный результат¹⁰. Именно поэтому, с точки зрения ряда политологов (Х. Бастос, Ч. Вестин), процессы формирования макросоциальных идентичностей могут быть поняты через призму успеха/неуспеха управления этнокультурным многообразием¹¹.

Опираясь на конструктивистский подход (разработанный М. Спектором и Д. Китсьюзом¹² и конкретизированный П. Бергером и Т. Лукманом¹³), формирование идентичности в рамках политики идентичности можно представить как процесс, где социальные взаимодействия, протекающие в социальной группе, у членов которой возникают эмпирически важные взаимные ожидания относительно поведения друг друга, приобретают характер регулярности, неизменности и устойчивости¹⁴. Благодаря этому создаются стабильные во времени дискурсы, становящиеся ядром конструирования идентичности [23, р. 864.]. Такую устойчивость общим когнитивным схемам, формирующим как региональную, так и общегосударственную идентичности, обеспечивают государственные институты и иные субъекты, такие как «символьная элита»¹⁵, СМИ и др.

В качестве теоретико-прикладной основы нашего исследования была привлечена аналитическая модель идентичности, предложенная М. В. Назукиной, согласно которой процесс конструирования идентичности реализуется на трех центральных уровнях политики идентичности, имеющих равнозначные по своей сущности величины: нормативном, нарративно-мифологическом и символическом [18, с. 84].

Нормативный уровень политики идентичности предполагает константное воспроизводство маркеров общероссийской / этнической идентичности в нормативно-правовых и политико-управленческих документах, в которых осуществляется «нормативное ранжирование» [18, с. 85] и закрепляются категории идентичности, что необходимо для официальных актов, касающихся этнонациональных основ государственности, национальной, языковой

⁹ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 648.

¹⁰ Yakobson A. Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism. Cambridge: University Press, 2013. P. 257–264.

¹¹ Identity Processes and Dynamics in Multi-Ethnic Europe / eds. by Ch. Westin [et al.]. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. P. 9.

¹² Spector M., Kitsuse J. I. Constructing Social Problems. New Brunswick : Transaction Publishers, 2001. 184 p.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

¹⁴ Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М. : РОССПЭН, 2011. С. 63.

¹⁵ Сагитова Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань : Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2018. С. 41–42.

и культурно-образовательной политик. Именно на этом уровне происходит соотнесение собственных представлений гражданина о приоритетах социального развития с идейно-политическими ориентирами и идеологическими целями политических акторов. В результате такой соотнесенности, а также вовлеченности граждан «в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности» происходит так называемая политическая самоидентификация человека с выступающими от его имени «субъектами политического процесса – партиями, массовыми движениями, группами интересов... с организациями гражданского общества» [9, с. 7–8].

Нарративно-мифологический уровень политики идентичности связан, главным образом, с установлением сущностных маркеров идентичности в доминирующем дискурсе памяти истории и в мифотворчестве региона. Это реализуется через репрезентацию исторической памяти регионального сообщества, актуализацию «прошлого» и манифестирование доминирующих нарративов, мифологем, ценностей [18, с. 85]. Краткую, но емкую характеристику нарративно-мифологическому уровню дала Г. В. Пушкарева: на данном уровне политики идентичности функционируют только те мифологемы и идеологемы, которые содержат «в себе интерпретации свойств и качеств нации, раскрывающих содержание коллективного Мы-образа» [24, с. 161]. Здесь создается вектор так называемой социальной самоидентификации, которая играет главенствующую «роль в формировании мотивации деятельности людей, в объединении их усилий для социального творчества и решения общественно значимых задач, в стабильном развитии общества и обеспечивающих его жизнедеятельность институтов» (И. С. Семененко) [9, с. 7].

Символический уровень политики идентичности в предложенной аналитической модели определяется как инкорпорирование маркеров идентичности в символические атрибуты региона, которые важны для процесса конструирования конкретной идентичности. Например, это включение маркеров этнической/общегосударственной идентичности в топонимику, культурный ландшафт, памятники, разнообразные социальные практики, пантеоны региональных героев. При этом «указатели» идентичности могут по-разному встраиваться и многопланово интерпретироваться [19, с. 698]. Именно на данном уровне создаются «узнаваемые символические опоры» идентичности, утверждаются и закрепляются ценностно-смысловые ориентиры, определяющие так называемую культурную самоидентификацию. Происходит наполнение макросоциальной идентичности эмоциональными смыслами, что в конечном итоге «может трансформироваться в ответственное действие» [9, с. 8].

Материалы и методы. На *нормативном уровне* процесс конструирования идентичности регулируется через официальную правовую информацию, формализованную в нормативно-правовых актах и образующую институциональные рамки, внутри которых функционируют процессы формирования и укрепления различных форм макросоциальной идентичности: общероссийской, этнической, конфессиональной и др. Документальную базу исследования составили региональные нормативные акты: конституции республик и Устав Ставропольского края, законы об образовании, молодежи, языках,

культуре, а также нормативные документы, закрепляющие цели, принципы и направления реализации региональной национальной политики. Изучение официальных правовых документов осуществлялось методом контент-анализа. Проанализировано 59 нормативно-правовых актов с учетом всех изменений, внесенных в них в 2022 г. В качестве нормативно-значимых категорий контент-анализа были взяты этнонациональные основы государственности, национальная, языковая и образовательная политики, патриотическое воспитание, культурная и молодежная политики. Выбор таких рубрик обусловлен пониманием конструирования идентичности как целенаправленного процесса, регулируемого государством и реализуемого в рамках политики идентичности различными институциональными акторами. Согласно выбранным смысловым единицам, по всему исследовательскому полю отображено 816 нормативных положений, соответствующих целям и задачам исследования. Анализ содержания нормативно-правовых документов по выбранным категориям предполагал распределение фрагментов текста в пределах дихотомической классификации: «способствует конструированию общероссийской идентичности на Северном Кавказе» – «способствует конструированию этнической идентичности на Северном Кавказе».

Нарративно-мифологический уровень политики идентичности исследовался через изучение современной северокавказской историографической мысли. Это обусловлено тем, что именно в работах по истории зафиксированы альтернативные, конкурирующие между собой образы общего прошлого России и Северного Кавказа, что очень важно для достижения целей исследовательского проекта. Был проведен дискурс-анализ научных публикаций представителей всех субъектов Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО). Документальной базой стали 262 журнальные статьи с 2015 по 2022 г., соответствующие рубрикатору дискурс-анализа (политическая история до 1917 г., Кавказская война, политика советской власти на Северном Кавказе, культурная революция, Великая Отечественная война, депортация) и находящиеся в свободном доступе в РИНЦ. Тексты статей изучались с точки зрения обнаружения в них дискурса или исторических травм, или консолидирующих региональное сообщество идей, или смешанной направленности: травма и консолидация.

Для понимания в рамках *символического уровня* политики идентичности и ответа на вопрос: что есть региональная система символов, смыслов и ценностей, способствующих укреплению общероссийской/этнической идентичности в социокультурном пространстве СКФО, в конце 2020 г. было проведено полуструктурированное интервью экспертов. В каждом из семи субъектов СКФО методом «снежного кома» были выявлены эксперты четырех категорий: представители административно-государственных структур, научного сообщества, национально-культурных объединений и лидеры мнений из числа СМИ, религиозных организаций, общественных организаций и т. д. Всего в опросе участвовали 119 экспертов, примерно по 17 из каждого субъекта¹⁶.

¹⁶ От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку их ответов.

Использование методической триангуляции (контент-анализа, дискурс-анализа, полуструктурированного интервью экспертов) дало возможность обеспечить устойчивость, убедительность, обоснованность и достоверность полученных количественно-качественных результатов и научных выводов.

Результаты исследования. Согласно результатам контент-анализа *нормативно-правовой базы* субъектов Федерации, образующих СКФО, количество текстуальных фрагментов распределилось в пределах дихотомической классификации «способствует конструированию общероссийской идентичности на Северном Кавказе» – «способствует конструированию этнической идентичности на Северном Кавказе» в целом равномерно: соответственно 402 и 414. Это означает, что в СКФО сложилось относительное равновесие между общероссийскими и этническими компонентами региональной политики идентичности на нормативно-правовом уровне. В определенной степени реализуется двуединая задача национальной политики Российской Федерации по укреплению общероссийского единства при сохранении этнокультурного многообразия.

Социокультурная целостность страны в контексте нормативного уровня региональной политики идентичности на Северном Кавказе обеспечивается прежде всего через официальную молодежную политику (65:25) и нормативную систему патриотического воспитания (57:16). Этнокультурное многообразие укрепляется за счет реализации языковой (91:57), культурной (71:38) и образовательной (40:31) политик. Важно иметь в виду, что в социокультурной сфере много внимания уделяется сохранению традиционных ценностей, к которым относятся и конфессиональные. Определенное преобладание этнического тренда свойственно также рубрикам «национальная политика» (127:114) и «этнонациональные основы государственности» (44:40). Так, в нормативно-правовом поле Северного Кавказа в пяти рубриках из семи наблюдается преобладание (существенное или номинальное) этнического тренда. Это означает, что, несмотря на некоторый баланс «общероссийского – этнического» на нормативном уровне региональной политики идентичности в СКФО, выявлена приоритетность этнического компонента, дополненного конфессиональным.

Для создания полной картины корреляции между общероссийским и этническим компонентами идентификационной матрицы жителей Северного Кавказа данная корреляционная зависимость была рассмотрена в разрезе субъектов Федерации, расположенных на территории СКФО. Исходя из полученных данных, наибольшее число фрагментов нормативных текстов, способствующих конструированию общероссийской идентичности, содержится в правовых документах Ингушетии (87 против 54), Чеченской Республики (69:50) и Ставропольского края (66:56). Приоритетность этнического компонента зафиксирована в правовых актах Дагестана (78 против 41), Кабардино-Балкарии (77:46) и Северной Осетии – Алании (41:32). Для Карачаево-Черкесии характерна относительная равновесность показателей (58:61). В официальных документах ряда субъектов, вне зависимости от того, какой компонент идентичности преобладает, есть положения, которые несут в себе конфликтность, например в нормативной базе Ингушетии.

Итак, существующий нормативный уровень региональной политики идентичности характеризуется некоторым преобладанием этнического аспекта, дополненного конфессиональным, при относительном балансе текстовых фрагментов, способствующих конструированию как общероссийской, так и этнической идентичностей.

Проведенный в рамках изучения *нарративно-мифологического уровня* политики идентичности дискурс-анализ научных изданий северокавказских ученых показал, что в целом по всем субъектам СКФО статей, задающих консолидирующий тренд, выявлено существенно больше, чем публикаций, эксплицирующих исторические травмы: 138 против 99 соответственно.

Однако относительно отдельных субъектов картина иная. Так, историки Ингушетии делают явный акцент на травмирующих сюжетах (27 против 6). Ученые, представляющие Ставропольский край (24:14), Северную Осетию (23:6) и Чечню (26:1), обнаружили в историческом прошлом прежде всего консолидирующие тренды. В Кабардино-Балкарии (24:30), Дагестане (24:20) и Карачаево-Черкесии (7:5) статьи по рубрикам «травма/консолидация» распределены относительно равномерно.

На пропорциональное соотношение статей оказала влияние и тематика публикаций. Преобладание идей консолидации свойственно рубрикам «Великая Отечественная война» (18:2), «культурная революция» (13:0) и «политическая история», затрагивающая вопросы административно-политического и социально-экономического обустройства Северного Кавказа в периоды до и после Кавказской войны (65:26). Есть необходимость отметить факт неактивности исследовательской деятельности ученых некоторых северокавказских регионов при изучении такой героической страницы истории нашей страны, как Великая Отечественная война даже в год 75-летия Великой Победы.

Приоритет дискурса исторической травмы характерен при описании событий Кавказской войны (32:20) и депортации в 1943–1957 гг. (14:0). Травмирующий контекст темы Кавказской войны нашел отражение в таких негативных оценках, как «порабощение горцев», «агрессивная и жестокая политика России на Кавказе» и т. п. В то же время при описании депортации ряда народов Северного Кавказа, которая традиционно воспринимается в качестве травмы, нашлись консолидирующие сюжеты: в частности описываются позитивные практики взаимодействия переселенцев с местным населением, успешной самореализации депортированных в профессиональной деятельности. Такие сюжеты имеют место в исследованиях чеченских историков. С небольшим перевесом травмирующей оценки рассматривается реализация политики советского государства на Северном Кавказе (25:22).

Также необходимо констатировать, что часть публикаций по всей анализируемой проблематике характеризуется переплетением дискурсов травмы и консолидации (25 статей), когда для исследователей те или иные исторические события невозможно интерпретировать однозначно. Более всего такие смешанные оценки даны при описании событий политической истории как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и после нее.

Таким образом, нарративно-мифологический уровень региональной политики идентичности на Северном Кавказе отличается преобладанием в коммеморации консолидирующих идей при серьезной актуализации исторических травм по тем событиям прошлого, которые в силу социально-психологических последствий могут использоваться в качестве средства этнической мобилизации и активизации протестного движения.

Важность изучения *символического уровня* политики идентичности обусловлена, как отмечалось, возможной деформацией идентичности в результате десимволизации социокультурной целостности личности и общества, потери чувства «органической солидарности» (Т. Парсонс) в региональном сообществе, утраты общих ценностей и смыслов. Для конструирования идентичности необходимо наличие системы символов, имеющей общенациональное значение. Одним из наиболее существенных факторов социального согласия и общенациональной консолидации выступает символическая репрезентация Родины – Отечества. В ходе опроса экспертов были выявлены достаточно устойчивые общероссийские традиционные ценности, ставшие скрепами общероссийской идентичности: любовь к Родине, как малой, так и большой; достижения России, ценности семьи, религии и др. Установлено, что большая часть смыслов символического поля относится к героическому историческому прошлому, центральным смыслом-символом которого стал День Великой Победы (9 мая 1945 г.). Современными солидаризирующими событиями выступили воссоединение Крыма с Россией, Олимпиада в Сочи, Чемпионат мира по футболу. По мнению экспертов, именно награждение победителей в спортивных событиях под исполнение российского гимна и поднятие российского флага приобрели символическое значение.

Показательным моментом символического уровня стала фиксация региональных «символьных объектов» в качестве символов общероссийской идентичности, как пример, «Самурский лес – единственный в России лиановый лес», «Домбай, Теберда – российские здравницы с многолетней историей» или «Специальная астрофизическая обсерватория РАН в п. Архыз – крупнейший научный центр России» и т. д.

Однако акцент экспертов на региональных символах, репрезентирующих этническую идентичность, преобладает в их ответах. Например, развернутые афоризмы северокавказской направленности: «Высокогорное озеро Казеной-ам – загадка Кавказа», «Кабардино-Балкария – жемчужина Кавказа» и др., или фразеологизмы локальной значимости, в частности: «Горы и башни – самый главный символ ингушей», «Ставрополь – крепость-город креста», или краткие словосочетания: осетинские пироги, мечеть «Сердце Чечни», горнолыжные курорты Домбая, Кавказские Минеральные Воды и др.

Обсуждение и заключение. Как показал анализ результатов изучения нормативного уровня региональной политики идентичности, в правовом пространстве наиболее значимых с точки зрения конструирования идентичности сфер общественной жизни Северного Кавказа – культурно-языковой и образовательной – сформировалось преобладание этнического тренда, а в собственно культурной сфере – и конфессионального. Однако преобладание

общероссийского компонента в таких областях, как социализация и воспитание подрастающего поколения, обеспечивает определенную сбалансированность нормативного уровня региональной политики идентичности. При оценке содержания нормативной базы были выявлены устаревшие положения в отдельных нормативно-правовых актах, например в законах о молодежной политике. Динамика этнополитических, социокультурных процессов требует своевременных преобразований законодательных рамок политики идентичности. Кроме этого, в некоторых нормативных актах, в частности касающихся этнонациональных основ государственности, есть положения, осложняющие институциональное конструирование общероссийской идентичности, например не актуализируется целостность общероссийского пространства. Важно, следовательно, привести нормативно-правовую базу субъектов Федерации, входящих в состав СКФО, в соответствии с происходящими современными преобразованиями и Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁷, а также с объективной потребностью в акцентуализации целостности Российской Федерации.

Анализ нарративно-мифологического уровня политики идентичности свидетельствует о разобщении регионального научного сообщества на этнокультурные, этнополитические объединения. Коммеморативные практики политологов, историков Северного Кавказа содержат не только разноплановые, но нередко прямо противоположные оценки исторических событий, обуславливающих процесс формирования этнической идентичности и, следовательно, имеющих значение нациестроительства для локальных северокавказских обществ. Нередко оценочные суждения настолько противоположны, что консолидирующие и травмирующие выводы в исследуемых статьях получили самостоятельную, отгороженную друг от друга значимость. Амбивалентное отношение исследователей СКФО к истории усложняет процесс целеориентированного конструирования общероссийской идентичности и даже временами придает конфликтность процессам формирования локальных этнических идентичностей.

Согласно анализу результатов экспертного опроса, символический уровень региональной политики идентичности в СКФО находится на начальном этапе формирования. Эксперты обратили внимание на происходящий в современном российском обществе сложный процесс переосмысления ценностей, переоценки исторических событий, который начался во второй половине 1980-х гг. и привел к фрагментации когда-то относительно единого ценностно-смыслового пространства советского общества. При этом события 1990–2000-х гг. усилили оценочно-ценностный раскол российского общества, и всякие попытки со стороны любого сообщества «вести» относительно сбалансированные оценки ключевых исторических событий лишь усиливают противостояние.

Таким образом, можно сделать обобщенный вывод, что сформировавшаяся макросоциальная идентичность в СКФО характеризуется для многих жителей

¹⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 13.02.2024).

республик Северного Кавказа определенной приоритетностью этнической, в том числе конфессиональной, идентичности, что обеспечивается реализацией сложившейся в культурно-языковой сфере правовой базы. В то же время в просветительно-образовательной сфере, поддерживающей историческую память, сложилась многополярность мнений. Это серьезно осложняет целенаправленный процесс конструирования общероссийской идентичности. Затрудняет данный процесс и несформированность символического уровня региональной политики идентичности, несмотря на отсутствие ярко выраженного преобладания в нем этнокультурных символов и ценностей.

Однако, согласно разработкам ряда современных зарубежных [25] и отечественных ученых [26], приоритетность этнических векторов в региональном развитии по отношению к общероссийским создает риски и угрозу «сползания» региона к этнополитическим конфликтам, активизации национализма и сепаратизма. В частности, некоторые из зарубежных исследователей¹⁸ пришли к выводу о серьезных негативных последствиях политизации этничности в виде актуализации рисков насильственных конфликтов. С точки зрения ряда российских политологов-этнологов, в ситуации усиления так называемой первичной идентичности, основой которой выступает культурно-историческая, этническая, конфессиональная самобытность, неизбежно рождается этнополитическое противостояние или даже конфликт [27, с. 145]. Такую неизбежность ученые связывают с возвращением к корням групповой «органической солидарности», возрастающей из-за сил, якобы угрожающих групповой идентичности и ведущей, в конечном счете, к отказу от диалога с «другим»/«иным» [27, с. 146]. Именно поэтому, как утверждает Э. Гидденс, в основу взаимодействия различных общностей, особенно этнических, конфессиональных, следует ставить не этнокультурную или этноконфессиональную самобытность, а общечеловеческие принципы и ценности [28]. Однако есть и другое утверждение: в полиэтничном сообществе принижение роли этнического фактора в политике может обусловить разрушение целостности страны и гражданского спокойствия в обществе [29, с. 10]. Это указывает на объективную неизбежность установления баланса между общероссийскими и этническими компонентами макросоциальной идентичности, обеспечивающего этноконфессиональное, этнополитическое и культурно-историческое согласие в полиэтничном сообществе Северного Кавказа. И здесь обостряется проблема прикладного характера: каким должен быть этот баланс. Вероятно, для каждого субъекта данный баланс формируется в зависимости от культурно-исторического, этноконфессионального опыта сосуществования в едином общероссийском пространстве.

В то же время в условиях резкого возрастания на Юге России геополитических вызовов и угроз представляется целесообразным усиливать конструирование общероссийской идентичности в рамках региональной политики. С этой целью важно более четко зафиксировать приоритетность ценностей общероссийской

¹⁸ Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized Ethnicity. Perspectives in Comparative Politics*. New York : Palgrave Macmillan, 2016. 187 p.; Adediji A. *The Politicization of Ethnicity as Source of Conflict: The Nigerian Situation*. Wiesbaden : Springer VS, 2016. 529 p.

идентичности в нормативно-правовых документах, касающихся системы образования как базового института гражданской социализации. Учебный процесс повсеместно должен опираться на те фундаментальные дидактические единицы, которые обеспечивают диалог российских граждан «на одном языке». Кроме того, в воспитательной работе как части образовательного процесса обязателен переход от ориентации на развлекательный контент к регулярной общественно-полезной деятельности, способной сформировать такие качества, как ответственность, долженствование, коллективизм и т. п. Действенное патриотическое воспитание также невозможно без деятельностного процесса, в рамках которого молодой человек становится субъектом активного социально-политического поведения.

При поиске путей решения проблем конструирования исторической памяти как содержательной части нарративно-мифологического уровня региональной политики идентичности, возможно, следует учесть мнение одного из экспертов: «формированию адекватных и однозначных оценок ключевых исторических событий... может способствовать только внешняя угроза, когда возникнет чувство необходимости объединиться, чтобы противостоять врагу». Возможно, он прав, и тогда специальная военная операция может стать тем событием, которое актуализирует «чувство необходимости объединиться». Также для формирования компромиссного видения совместного исторического прошлого России и Северного Кавказа нужна акцентуация культурно-исторических традиций сосуществования северокавказских сообществ как неотъемлемой части единой Российской Федерации.

Успешное конструирование общероссийской идентичности в северокавказском сообществе предполагает активизацию символической политики не только на региональном, но и на федеральном уровнях. Следует инициировать ценностно-смысловые проекты патриотической направленности, опирающиеся на образы настоящего и идеалы будущего. Необходимо актуализировать работу по наполнению эмоционально-смысловым содержанием государственных праздников современной России. Нужно активнее применять практику межрегиональных проектов, обеспечивающих тесную связь Северного Кавказа с другими регионами России. С точки зрения интенсификации символического уровня региональной политики идентичности важно системно продвигать символику Северного Кавказа как общероссийские смыслы-символы в общефедеральном информационном пространстве.

В качестве еще одного пункта отметим обязательный мониторинг идентификационной сферы. Только систематическое отслеживание в каждом из субъектов СКФО процесса укрепления общероссийской идентичности, ее взаимодействия с другими компонентами макросоциальной идентичности (этнической, конфессиональной, региональной) позволит иметь реальное представление о проводимой в регионе политике идентичности, о социокультурной почве, на которой «вращивается» общероссийская идентичность, об эффективности деятельности институтов, обеспечивающих эту политику, о путях корректировки процесса конструирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе.

Полученные в ходе анализа результаты могут быть полезны в научно-экспертной деятельности при подготовке аналитических материалов и экспертных заключений для заинтересованных органов, в том числе органов власти, и организаций. Итоги исследования могут использоваться при разработке и корректировке доктринальных и иных документов в области политики идентичности. Аналитические материалы найдут применение в работе средств массовой коммуникации и в образовательном процессе. Полученные результаты могут стать основой при разработке концепции укрепления общероссийской идентичности в северокавказском регионе в контексте новой этнокультурной, геополитической ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки / В. А. Авксентьев [и др.] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 1. С. 72–86. <http://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105>
2. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки / В. А. Авксентьев [и др.] // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 1. С. 115–124. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-115-124>
3. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education // *Educational Philosophy and Theory*. 2018. Vol. 50, no. 3. Pp. 287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
4. Beland D. Identity, Politics, and Public Policy // *Critical Policy Studies*. 2016. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>
5. Wald N. Bridging Identity Divides in Current Rural Social Mobilization // *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2013. Vol. 20, no. 5. Pp. 598–615. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001>
6. Klandermans P. G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35, no. 1. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.1111/POPS.12167>
7. Orjuela C. Corruption and Identity Politics in Divided Societies // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35, issue 5. Pp. 753–769. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.921426>
8. Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
9. Семенов И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // *Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС*. 2011. Т. 7, № 2. С. 5–24. EDN: ONHDON
10. Тишков В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89, № 4. С. 408–412. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
11. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное // *Политическая концептология*. 2018. № 1. С. 171–191. <https://doi.org/10.23683/2218-5518.2018.1.171191>
12. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // *Вестник Российской нации*. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52. URL: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2021/04/%D0%92%D0%A0%D0%9D-2021-%E2%84%96-1.pdf> (дата обращения: 13.03.2024).
13. Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26, № 5. С. 112–125. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>
14. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // *Гуманитарий Юга России*. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–26. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>

15. Клименко Л. В., Жаде З. А., Петрулевич И. А. Идентичность населения полиэтничного юга России в контексте социальной интеграции макрорегиона // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 3. С. 145–156. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-03/11.shtml (дата обращения: 13.03.2024).
16. Шадже А. Ю. Идентичность молодежи в междисциплинарной парадигме // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 172–180. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51782>
17. Киреева И. В., Куква Е. С., Ляушева С. А. Региональная политика идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае (по материалам исследования методом фокус-группы) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 1. С. 189–201. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.14>
18. Назукина М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78–92. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
19. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 698–717. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
20. Bernstein M. Identity Politics // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. Pp. 47–74. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>
21. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. Vol. 50, issue 3. Pp. 287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
22. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M. The Discursive Construction of National Identity // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10, issue 2. Pp. 149–171. <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>
23. Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity // *Annals of the Association of American Geographers*. 2012. Vol. 102, issue 4. Pp. 863–880. <https://doi.org/10.1080/00045608.2011.602934>
24. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
25. Pedersen D., Kienzler H. Ethnic Conflict and Public Health // *International Encyclopedia of Public Health*. 2017. Vol. 2. Pp. 36–45. <https://doi.org/10.1016/B978-012373960-5.00391-9>
26. Семенова Ю. А. Формирование гражданской идентичности в условиях современного российского общества // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Социология. Культурология. Вып. 16. 2010. № 1 (182). С. 104–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 13.03.2024).
27. Файзуллин Ф. С., Файзуллин Т. Ф. Этничность и этнонациональный потенциал развития общества // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 140–147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyu-potentsial-razvitiya-obschestva/viewer> (дата обращения: 13.03.2024).
28. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность // Отечественные записки. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/что-завтра-fundamentalizm-ili-solidarnost.html> (дата обращения: 10.03.2024).
29. Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А. Федеративная демократия и единство многонациональной страны // Публичное и частное право. 2014. № 3 (23). С. 7–18. EDN: TBVVJD

REFERENCES

1. Avksentiev V.A., Aksumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Formation of Russian Identity in the North Caucasus: Institutional and Sociocultural Framework. *Political Expertise: POLITEX*. 2022;18(1):72–86. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105>
2. Avksentiev V.A., Aksumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. All-Russian Identity in the North Caucasus: Expert Assessment. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(1):115–124. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-115-124>
3. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education. *Educational Philosophy and Theory*. 2018;50(3):287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>

4. Beland D. Identity, Politics, and Public Policy. *Critical Policy Studies*. 2016;11(1):1–18. <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>
5. Wald N. Bridging Identity Divides in Current Rural Social Mobilization. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2013;20(5):598–615. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001>
6. Klandermans P.G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest. *Political Psychology*. 2014;35(1):1–22. <https://doi.org/10.1111/POPS.12167>
7. Orjuela C. Corruption and Identity Politics in Divided Societies. *Third World Quarterly*. 2014;35(5):753–769. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.921426>
8. Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. *Polis. Political Studies*. 2016;(4):8–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
9. Semenenko I.S. Political Identity and Identity Politics. *Political Expertise. POLITEX*. 2011;7(2):5–24. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ONHDON
10. Tishkov V.A. Russia's Identity: Grand Challenges. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2019;89(4):408–412. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894408-412>
11. Pain E.A., Fedyunin S.Yu. The Problems of the Civil Nation in Russia and in the West: General and Special. *Political Conceptology*. 2018;(1):171–191. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23683/2218-5518.2018.1.171191>
12. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. All-Russian Identity in the Sociological Dimension. *Bulletin of Russian Nation*. 2021;(1-2):39–52. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2021/04/%D0%92%D0%A0%D0%9D-2021-%E2%84%96-1.pdf> (accessed 13.03.2024).
13. Erokhin A.M., Vorobev S.M., Avdeev E.A. Ethnopolitical Processes in the Caucasus: Identity Conflict and Political Activity of Youth. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2021;26(5):112–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.9>
14. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Hybrid Identity: Factors of Formation and Forms of Manifestation. *Humanities of the South of Russia*. 2022;11(2):15–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>
15. Klimenko L.V., Zhade Z.A., Petrulevich I.A. Identity of the Population of the Multiethnic South of Russia in the Context of Societal Integration of the Macregion. *Central Asia and the Caucasus*. 2021;22(3):136–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://ca-c.org.ru/journal/2021/journal_rus/cac-03/11.shtml (accessed 13.03.2024).
16. Shadzhe A.Yu. Youth Identity in the Interdisciplinary Paradigm. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. 2022;(2):172–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51782>
17. Kireeva I.V., Kukva E.S., Lyausheva S.A. Regional Identity Policy in the Republic of Adygea and Krasnodar Region (Based on Focus-Group Discussion). *Humanities of the South of Russia*. 2023;12(1):189–201. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.14>
18. Nazukina M.V. The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis. *Polis. Political Studies*. 2020;(3):78–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06>
19. Nazukina M.V. Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics. *Russian Journal of Regional Studies*. 2018;26(4):698–717. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>
20. Bernstein M. Identity Politics. *Annual Review of Sociology*. 2005;31:47–74. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>
21. Brunila K., Rossi L.-M. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education. *Educational Philosophy and Theory*. 2017;50(3):287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
22. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M. The Discursive Construction of National Identity. *Discourse and Society*. 1999;10(2):149–171. <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>
23. Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship between Regional Exclusion and the Construction of National Identity. *Annals of the Association of American Geographers*. 2012;102(4):863–880. <https://doi.org/10.1080/00045608.2011.602934>
24. Pushkareva G.V. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. *Polis. Political Studies*. 2017;(5):156–173. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>

25. Pedersen D., Kienzler H. Ethnic Conflict and Public Health. *International Encyclopedia of Public Health*. 2017;2:36–45. <https://doi.org/10.1016/B978-012373960-5.00391-9>

26. Semenova Yu.A. [Formation of Civil Identity in the Conditions of Modern Russian Society]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy Sciences*. 2010;(1):104–108. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva/viewer> (accessed 13.03.2024).

27. Faizullin F.S., Faizullin T.F. Ethnicity and Ethno-National Potential of the Development of Society. *Vestnik VEGU*. 2014;(4):140–147. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-kak-sotsialnyy-potentsial-razvitiya-obschestva/viewer> (accessed 13.03.2024).

28. Giddens E. [What Will Be Tomorrow: Fundamentalism or Solidarity]. *Otechestvennye zapiski*. 2003;(1). (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost.html> (accessed 13.03.2024).

29. Abdulatipov R.G., Mikhailov V.A. Federal Democracy and the Multinational Country Unity. *Public and Private Law*. 2014;(3):7–18. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TBVVJD

Об авторе:

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8281-7409>, Researcher ID: AAC-7640-2022, Scopus ID: 23975990100, dissovet@rambler.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 13.06.2023; поступила после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 12.09.2023.

About the author:

Galina D. Gritsenko, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don 41344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8281-7409>, Researcher ID: AAC-7640-2022, Scopus ID: 23975990100, dissovet@rambler.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 13.06.2023; revised 28.08.2023; accepted 12.09.2023.